

КОНСТАНТИН КУПЕРВЕЙС

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО

Золотые
Годы

*Людмила
Гурченко*
рвалась работать,
танцевать, петь...
«Все выдержу, все
вынесу», – говорила
она.

Приз «Лучшая актриса
мира» Люся получила
за роль в фильме
«Любимая женщина
механика Гаврилова»!

После выхода на экран
«Вокзала для двоих»
Люсю встречали
в ресторанах как родную

Мне очень нравилось
работать с Люсей
и Михаилом Джержавиным
над музыкой в картине
«Моя морячка»

Золотые годы

Константин Тобяшевич Купервейс Людмила Гурченко. Золотые годы Серия «Зеркало памяти»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63069138

*Константин Купервейс. Людмила Гурченко: Золотые годы: АСТ;
Москва; 2020*

ISBN 978-5-17-134186-2

Аннотация

«Двадцать дней без войны», «Мама», «Сибириада», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Вокзал для двоих», «Любовь и голуби» – фильмы, покоровшие сердца зрителей и ставшие классикой советского кинематографа. А имя Людмилы Гурченко, исполнившей в них главную роль, стало известно каждому.

Настоящая книга написана ее мужем, известным музыкантом Константином Купервейсом, с которым она прожила почти двадцать лет. Это были годы очень яркой, насыщенной творческой жизни актрисы. В это время она работала с такими режиссерами, как Эльдар Рязанов, Владимир Меньшов, Петр Тодоровский, Алексей Герман, Андрон Кончаловский, а ее партнерами были Юрий Никулин, Сергей Юрский, Олег Басилашвили, Сергей Шакуров и многие другие.

Автор рассказывает о жизни великой актрисы, ее взлетах и падениях, личных победах и личном счастье. И во всем опорой ей был он, любящий муж, который находился постоянно рядом, поддерживая, вдохновляя, придавая сил, помогая вынести все испытания судьбы.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Константин Купервейс Людмила Гурченко: Золотые годы

© К. Т. Купервейс, 2020

© В. В. Давыденко, 2020

© Киноконцерн «Мосфильм», 2020

© РИА Новости, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дизайн серии *Андрея Фереца*

В оформлении издания использованы фотографии из фондов Киноконцерна «Мосфильм», РИА Новости, личного архива автора, а также фотоработы Игоря Гневашева.

Предисловие *Владимира Давыденко*

Издательство выражает благодарность Павлу Соседову за участие в подготовке книги

* * *

Людмила Гурченко рвалась работать, танцевать, петь...

«Все выдержу, все вынесу», – говорила она.

Приз «Лучшая актриса мира» Люся получила за роль

в фильме «Любимая женщина механика Гаврилова»!

После выхода на экран «Вокзал для двоих» Люсю встречали в ресторанах как родную

Мне очень нравилось работать с Люсей и Михаилом Державиным над музыкой в картине «Моя моряка»

Предисловие

... Есть у человека сокровенные чувства, эмоции, к которым так трудно подобрать слова, получается почему-то грубее, не так тонко, не так пронзительно. Лично мне всегда легче было «рассказывать» о таком в *музыке*. Автор этой изумительной Книги был рядом всю жизнь именно с музыкой. С музыкой как с близким другом, с музыкой, которая никогда не предаст. В этом ему уж точно повезло...

Повезло с музыкой и мне, когда после Московской консерватории в 1977 году я попал не только в музыкальную редакцию Гостелерадио СССР, но и в группу легендарного режиссера Евгения Гинзбурга. Это было своеобразное счастье «для избранных»: свободно общаться с самыми известными, талантливыми небожителями, которых можно было видеть только по телевидению. А тут – прямо в эпицентре... Так уж вышло, что группа Гинзбурга снимала самые классные музыкально-развлекательные программы, которые и запрещали, и ставили в эфир по ночам... А советские телезрители, как и наши любимые артисты-звезды, обожали нас, ждали наши фильмы и программы...

Да, так совпало, что это и у меня были счастливые «золотые годы». Помню, как началась моя история с Людмилой Марковной. Гинзбург мне сказал: «Сынок! (так в группе меня называли), давай! Встречайся! Репетируй с артисткой!

Будем снимать Бенефис Людмилы Гурченко!»....

И вот я познакомился со звездой «Карнавальная ночь», которая дооолгие года не снималась, а тут все покатилося по нарастающей. Бесконечные репетиции и в Останкине, и у нее дома, и на площадке, — это было настоящее творчество. Тогда я и познакомился с удивительно скромным, невероятно талантливым музыкантом Константином Купервейсом. Это был ее муж, в нашей группе все его называли просто Костя. Он был всегда с ней, всегда рядом, как тень, охраняющая ее. Когда мы что-то репетировали, Костя часто, причем так потрясающе тактично, что-то советовал, садился за инструмент и изумительно импровизировал (он великолепный джазовый пианист, я всегда по-хорошему завидовал его джазовому таланту). Знаю, что он сочинял музыку к фильму «Моя морячка», хотя в титрах как композитора его почему-то нет...

Он всегда что-то предлагал, садился за рояль, играл, брал какие-то фантастически красивые, неведомые мне гармонии... Я каждый раз восхищался Костей, а Люся при этом как-то ревниво его резко «отстраняла», и я всегда думал — «...Ааа ...вот она, Богема! Как у них, великих, так принято, наверное...».

Так вышло, что дальше я работал с Люсей на всех ее телепрограммах, играл на всем, на рояле, синтезаторах (Люся была всегда в восторге от новых модных звуков), аккордео-нах, гитарах, сочинял партитуры для оркестра, которыми по-

том гениально дирижировал неповторимый Жора Гаранян. Мы с Люсей так дружили! Помню, она сюрпризом приехала ко мне в гости, в маленькую квартирку на улице Юных Ленинцев. Это был мой ДР, 25 лет. В комнатке было человек тридцать, папа, мама, друзья, битком. И вдруг под вечер появилась сама Гурченко, как УФО! Все обалдели, смотрели в упор, не верили своим глазам, а я был так счастлив! После ошеломительной паузы она взяла яблоко, надкусила, и сказала – «Ну, хоть покормите?». Всю ночь хохотали, пели... Это ее неповторимое чувство юмора!!! На репетициях, на съемках, на записях...

На всю жизнь запомнил мое знакомство с Артисткой Гурченко. Это был первая запись к Бенефису, на телецентре в Останкино, в 1-м тон-ателье Студии звукозаписи, где рождались потом все наши шедевры... Начало вечерней смены было в 18.00. Гурченко, которая никогда (!) не опаздывала, скромно сидела в зале напротив микрофона. За звукорежиссерским пультом взгромоздился наш могучий Володя Виноградов, невероятно тонкий Мастер, и при этом крупных размеров Человек, с большим круглым лицом, записавший музыку почти ко всем фильмам Рязанова, Михалкова... Женя Гинзбург, нервно улыбаясь, ходит туда-сюда. Мы ждем, когда артистка скажет, что она готова. А Гурченко при этом сидит, и только слышно, как она ест яблоко (она их всегда любила). Минут через 15 Виноградов вдруг говорит, Жень, ну что ждем-то, может уже начнем? Гинзбург нажимает кно-

почку и в микрофон с пульта спрашивает – «Людмила Марковна, готова, может уже начнем?»... Люся выходит из студии, я, мол, давно готова, но ведь нет звукорежиссера!.. Да как же, вот же он, наш Владимир Виноградов, звукорежиссер, давно за пультом... А Люся «влет» и говорит – Этот? Нееет, это не звукорежиссер!.. Почему?! Оторопел Женя... Посмотрев пристально с прищуром на Виноградова, Люся с улыбочкой заявила – Этот?.. Нет, он не может быть звукорежиссером... Он же не еврей!!! Это был ее юмор, Володю она обожала, говорила, что лучше него ее никто никогда не записывал... Ржали потом долго... Так познакомились, и началась наша замечательная дружба.

Всего у Люси в те годы было так много работы. И всегда, всегда рядом был Костя. Люся очень много снималась, летала в разные страны на фестивали, концерты, выступления. И всегда добрым талисманом рядом был Костя, и мужем, и другом, организатором, администратором, директором, мамкой, нянькой, «бодигардом», самозабвенно преданным и верным. Тем, что абсолютно бесценно, и постороннему глазу совершенно не видно...

Ошеломительно успешны были Люсины шесть сольных концертов в тогда еще «живом» лучшем зале страны «Россия». Феерические шесть аншлагов, и, конечно же, везде Костя – и за кулисами, и на сцене за роялем, и в гримерку Люся допускала только его... Помню, я как то, слушая, как Костя играет, Люсе сказал – «... какой он классный!», а она мне с

гордой улыбкой – «Да – он золото! Мне его Бог послал. Маркуша (ее обожаемый папа) ушел, а Костя пришел...».

Это действительно были какие-то их золотые годы. Они вместе работали, отдыхали, вместе придумывали новые программы. Я часто бывал у них дома. Мне кажется, Люся меня по-музыкантски обожала, я даже какое-то время весел у нее на стене «любимых мужчин» в коридоре, где-то рядом среди любимых ею Никиты Михалкова, Саши Адабашьяна... Мы безостановочно вместе с Люсей и Костей готовились к записям для ТВ и Кино. В эти неповторимые поистине золотые годы мы вместе радовались и поздравляли уже и «Народную РСФСР», и «Народную СССР», праздновали Государственную Премию РСФСР за фильм «Старые стены». Это был их совместный «золотой полет». Они были два крылышка одной птицы, неразлучны, всегда вместе, так потрясаяще дополняя друг друга, несмотря на непростой Люсин характер. Проработав с Людмилой Марковной белее десяти, лет я это очень хорошо понимаю.

Позднее Женя Гинзбург снимал на Мосфильме картину «Рецепт ее молодости», куда Люся его пригласила кинорежиссером. И тут наш добрый друг Костя был незаменимым помощником ее нескончаемых съемок, досъемок, разъездов по международным фестивалям за Премиями и Наградами, снимая с нее вечные заботы о Леле (маме), о дочери, о том, кто живет в квартире, пока Люси нет...

Помню, для меня был ошеломительный необъяснимый

удар, когда я узнал, что они разошлись. Я был молодой, близорукий, ничего по-взрослому не понимал. Знал только одно точно, что Костя, скромный и невероятно талантливый музыкант, наполнил Люсину жизнь удивительным светом, которого даже не замечаешь, добротой, любовью и преданностью, и, конечно же, *музыкой*...

Да, сейчас уже можно уверенно сказать, что эти 19 лет (с 1973 по 1992) были их самые настоящие «Золотые годы»!

Золотые годы Кости и Люси.

Золотые годы Людмилы Гурченко.

Владимир Давыденко

Глава первая

До Люси

1

Сегодня меня вдруг ноги сами понесли к роялю, к моему любимому Блютнеру, который прошел с моей семьей целую жизнь. Он для меня настоящий живой организм. Этот рояль стал подарком папы на их с мамой свадьбу в 1947 году, в Гродно, где они начали совместную жизнь. Папа, Купервейс Тобяш Давыдович, родился в Варшаве в 1922 году, учился музыке, воспитывался в ортодоксальной еврейской семье со всеми ограничениями, обрядами и условностями. Как папа попал в СССР, я расскажу позже. Мама, Михайлова Елена Константиновна, родилась в Москве в 1917 году, окончила музыкальное училище, подала документы в Минскую консерваторию, но... началась война, и она ушла добровольцем на фронт. Служила в военном госпитале культработником и, конечно же, медсестрой. Прошла всю войну. И вот подарок от жениха – рояль, ведь оба они – пианисты! Я много слышал от папы, что рояль служил также столом и кроватью (иногда я, маленький, даже спал под ним), и вообще всю их совместную жизнь я только и слышал от мамы: «Не клади

ключи на рояль, не бросай портфель на рояль!» Мама очень любила переставлять мебель в квартире, но, где бы рояль ни оказывался, папа его обнаруживал и снова все аккуратно выкладывал.

Почему я начал с рояля? С этим замечательным инструментом связано мое познание музыки, потому что, когда папа занимался, я спал в люльке под инструментом. В три года я впервые сел за клавиатуру и попробовал извлечь звуки. Рояль переезжал с нами из города в город. Из Гродно мы переехали в Минск, где папа продолжал учиться после двух курсов Варшавской консерватории. Тут я немного забегу вперед, лет этак на 70!

В 2013 году, когда папы не стало, я поехал в Польшу. Мне было необходимо увидеть ту улицу, где папа родился и жил, еврейское кладбище, где захоронены все мои предки, зайти в консерваторию, где папа учился, и, конечно же, увидеть Треблинку, в которой были сожжены 46 человек моих родных по папиной линии, ведь в этом одном из страшных и зверских лагерей смерти было уничтожено 800 000 безвинных людей. На территории лагеря установлено не менее десятка тысяч безымянных обелисков из гранита в память о невинных жертвах. А рвы, где сожжены люди, до сих пор издают запах... Там в землю вкопаны вентиляционные трубы...

Да, я побывал в Варшавской консерватории и, к моему изумлению, нашел подлинники папиных документов: зачет-

ки, заявления от его мамы и даже свидетельство о рождении моего папы. Это невероятно! Потому что немцы от Варшавы ничего не оставили. Сожгли все. А тут такое везение!

2

Возвращаюсь в конец 40-х годов. В Минске мама работала в музшколе, а папа учился. Несмотря на голод и бедность, они жили весело и дружно.

30 июля 1949 года рождаюсь я. Рождаюсь в страшных маминых муках, около девяти часов мама была в операционной, перенесла клиническую смерть, а в это время на улице гремел гром и беспрестанно лил дождь. Так мне этот день описывала мама. Папу постоянно спрашивали, кого спасать, сына или жену? Я не знаю, что он отвечал, но, слава Богу, спасли обоих.

После окончания консерватории по распределению папу направляют на работу в таджикский город Ленинабад, сейчас Ходжент. Этот период жизни я уже немного помню. Арыки, по которым текла коричневая вода и в которых детишки ловили маленьких змеюшек, глиняный дом из одной комнаты, где жили мы все впятером (еще бабушка), сад, утопающий во фруктовых деревьях, жара и масса всяких насекомых: скорпионы, фаланги, змеи, каракурты, которых мы особенно не боялись. Бывало, куры собирались гурьбой, начинали кудахтать и долбить клювами... «Скорпион доедают», —

говорил старый таджик. Местное население любило моих родителей. Папа очень смешно пытался говорить по-таджикски, носил тюрбетейку и играл народные мелодии. Кстати, потом он стал работать в народном оркестре Таджикистана! Мама с любовью учила музыке маленьких детей.

Прожив там несколько лет, мы захотели вернуться в цивилизацию. Папа купил квартиру во Львове, куда мы и переехали – конечно, вместе с роялем. Сегодня я с трудом понимаю, как можно было «купить» квартиру в 1954 году? То время я помню очень хорошо. Я сдаю экзамен в музыкальную школу-десятилетку для одаренных детей. Да-да, тогда были и такие! Радость, фантазии, планы на будущее! Как я ждал 1 сентября, собираясь с букетом цветов идти в школу! Но... увы. 31 августа, играя во дворе, я упал с дерева и тяжело сломал руку! Первое сентября прошло без меня. К середине октября рука срослась, и я пошел в школу, где проучился три года. И до сих пор помню фамилии всех учеников нашего класса по алфавиту!

Папа всегда хотел большую семью и много детей. Мечтал о дочери. 5 апреля 1959 года рождается моя родная сестра – Диночка, папа назвал ее в честь своей матери. Радости не было предела! Счастье! Но ей не суждено было прожить и года.

В нашей семье поселилось горе. Мама непрерывно плакала, а папа часто молча смотрел из окна квартиры. Я не понимал, куда он смотрит. А смотрел он на кладбище, на могилку

Диночки, которая была видна из окон нашей комнаты.

В то лето я был в пионерском лагере. Вдруг приезжает папа, отводит меня в сторону и, опустив глаза, спрашивает: «Ты смелый пионер?» «Да!» – говорю я. «У нас больше нет Диночки...» Он взял меня за руку и сказал: «Мы едем домой!» Это было первое потрясение в моей жизни. Больше я уже никогда не бывал в пионерских лагерях.

3

Трагическое состояние мамы стало пугать папу, и он решил уехать из Львова. Он нашел объявление в газете «Советская культура» о приглашении педагогов с предоставлением квартиры – мы уехали в Петрозаводск, в Карелию, конечно, вместе с роялем. Правда, первое время мы жили в двух классах музыкальной школы, а потом получили хорошую квартиру. Жизнь стала налаживаться. Правда, уже в Петрозаводске я часто видел тихо плачущую маму и утешающего ее папу. А иногда и стоящего у окна папу с закрытыми глазами.

Родителей все уважали, мы обросли хорошей, веселой компанией. Меня приняли в музучилище на год раньше, как способного ученика. Надо сказать, что это было, наверное, самое безмятежное, доброе и веселое время нашей жизни. Родители работали, я учился, почти каждое лето мы отдыхали у моря по два месяца, ведь у педагогов большой отпуск. Люди в Петрозаводске добрые, город очень чистый, аккурат-

ный, карельская природа потрясающая... – и вдруг!

Папу вызывают в органы. Тут я опять вернусь в прошлое. У моей мамы отца арестовали в 1937 году. Он умер в лагере, а его дочь, моя будущая мамочка, ночами играла в кинотеатре, чтобы заработать деньги на посылки в лагерь. Его уже три года как не было на свете. Поэтому одно упоминание о КГБ могло довести ее до обморока. Дома началась паника. Оказалось, что вызывали папу с целью сообщать в органы о поведении людей в компаниях, на различных мероприятиях, о политических умонастроениях деятелей искусства, короче – «СТУЧАТЬ»!

Папа был очень честным и бескомпромиссным человеком! И когда, по приезду в Петрозаводск его попросили заполнить анкету, он честно написал, какими иностранными языками владеет: польским, немецким, французским, идишем и ивритом со словарем. Конечно, для этой организации он был просто находкой.

Но папа наотрез отказался. Тут же у него начались проблемы, и наша безмятежная жизнь стала рушиться. Тогда один мудрый человек сказал: «Уезжайте! И подальше!» Подальше? Куда? Ведь только что к нам в Петрозаводск переехала бабушка, вся семья в сборе, получили новую большую квартиру. У родителей были прекрасные перспективы на работе, я учился музыке!.. Опять объявления в газете «Советская культура». Родители смотрят вакансии в других городах. Пришлось делать обмен Петрозаводска на Ереван.

Снова с нами едет рояль. В Ереване у нас трехкомнатная квартира с видом на Арарат, у родителей хорошая работа, я продолжаю учебу, но... никто, ни один человек не говорит по-русски! Опять новые люди, новые друзья, учеба и знакомство с армянской культурой, с языком. Скоро я почти в совершенстве стал говорить и писать на армянском языке. Надо сказать, что жизнь в Ереване я вспоминаю с любовью. Может быть, потому, что это было время юности – с 14 до 17. Первая любовь, первая рюмка армянского коньяка, первая сигарета. И, наконец, первый диплом. Теперь я пианист, педагог, концертмейстер! Слово-то какое красивое! Подаю документы в Ереванскую консерваторию. И родители недолго думая решают уезжать. В Москву! Опять рояль с нами. Но теперь это уже и мой рояль. Я играл и учился на нашем Блютнере. С ним я сдал госэкзамен. Снова его, бедного, нужно везти в контейнере!

В Москву тогда было не так-то просто переехать. Для этого надо было получить в Моссовете разрешение на прописку. Тут была задействована моя бабушка, Михайлова-Ценина Наталия Ивановна, родившаяся в 1882 году. Совсем недавно, после ухода из жизни моего папы, я нашел конверт со старинными документами моей бабушки. Это свидетельство о рождении, свидетельства о ее квалификации и много других. Там же была старинная фотография с подписью «Руднев» (бабушкина девичья фамилия была Руднева). Руднев был командир крейсера «ВАРЯГ». Помню, как бабушка бра-

ла в руки эту фотографию и говорила, что это ее дед. Она работала в больницах сестрой милосердия. Однажды, во время пожара в детском доме, она вынесла из горящего здания около 40 детей. Ее чествовали как Героя Труда, а диплом ей вручал Луначарский. Но это с ее слов. Мы собрали документы вместе с этим удостоверением Героя Труда и отправили в Москву Председателю Совета Министров СССР Косыгину. Положительный ответ пришел через месяц. УРА!!! Мы опять переезжаем. В Москву! С роялем! Опять контейнер. Обмен квартиры. Но теперь за трешку с видом на Арарат дают смежную хрущевку-двушку в Люблино.

Вот мы в Москве. Конечно, привыкали очень тяжело. Все не так, люди другие, совсем нет знакомых. Нет мебели. Но зато Москва, хотя и Люблино.

4

Меня направили по распределению в музыкальную школу педагогом. А мне всего 17 лет, и в голове ветер. В школе было вечернее отделение. Там учились взрослые ученики. Как ни странно, они мне были ближе и, как мне казалось, я им тоже. Был у меня ученик, который работал в ЦК КПСС. Он очень любил джаз – вот такой парадокс! И мы с ним играли блюзы, соул, джазовые этюды Оскара Питерсона! После урока он садился в черную «Волгу» с мигалкой и уезжал на работу. Звали его Слава. Впоследствии он очень много по-

могал нам. Пока существовал ЦК КПСС.

Началась другая жизнь. Другая жизнь с музыкой, с другой музыкой. С джазом. Началось познание американской музыки. Я день и ночь слушал ее, изучал все жанры. Включал магнитофон и параллельно его звучанию начинал играть ту музыку, которую слышал. Я хрипло пел, аккомпанируя себе, одновременно со всеми джазовыми звездами – Рэем Чарльзом, Эллой Фицджеральд, Элвисом Пресли. Слушал я также оркестры Дюка Эллингтона, Куинси Джонса, бразильскую музыку; научился играть на саксофоне, записался пианистом в самодеятельный джаз-оркестр при Дворце культуры, который сыграл очень большую роль в моем становлении как эстрадно-джазового пианиста. В музшколе я проработал два года. За это время изучил испанский язык, поступил на подготовительные курсы в Институт культуры. И вдруг повестка о призыве в армию! Что тут началось! Мама рыдает день и ночь! Сетует, что у нее сын, а она всю жизнь хотела дочь, потому что сына должны забрать в армию! Она уже с моего рождения боялась, что меня заберут, а армия – это ужас! Папа теперь должен был искать знакомых, чтобы я не пошел в армию или «случайно» попал служить в Москву... Папа, конечно же, нашел знакомых, которые пообещали ему, что я буду служить в Москве и в выходные ночевать дома.

Я ушел в армию. Обещания знакомых не сбылись, я попал в танковые войска. В славный город Владимир. В учебное подразделение. Выучили меня на механика-водителя танка. Еще одна специальность! Сказали, что после армии танкистов с удовольствием берут в трактористы. Какая перспектива!

Каждый день в 6 утра, после 10-километрового пробега, проводилась зарядка, потом бегом на завтрак – и сразу на занятия. Матчасть танка, мотор, устройства разного рода и многое мне, воину с музыкальным образованием, понять было почти невозможно. Но я должен был понять, выучить и сдать экзамен. В первые 2–3 месяца ни один из начальников, командовавших нами, ни разу не произнес правильно мою фамилию. Особенно отличился старшина роты, который в первую же вечернюю поверку, долго тужась и вглядываясь в список, вдруг выкрикнул: «Керогазов!» У меня и в мыслях не было, что это обращение ко мне. Я молча стою, вытянувшись. Еще раз: «Керогазов!» – уже более командно. Тут меня тихо толкает рядом стоящий солдат: «А может, это ты?» Оказалось, точно я. Позже все привыкли к неверному произнесению, да и я привык.

Было тяжело и сложно. Но было единство. Никто никогда меня не унижал, не заставлял ходить, скажем, на четверень-

ках и лаять, никто не обзывал меня по национальному признаку, не было слова «дедовщина». Мне, конечно, могут возразить те, кто служил в других частях, где были другие начальники, где царили жестокость и унижения. Но у нас этого не было. Была служба и учеба. И я рад, что попал в армию. Там становишься настоящим мужчиной.

Через 9 месяцев после учебки меня забрал к себе начальник военного оркестра полка дирижер капитан Светличный.

Мне открылась другая музыка – военная. Я никогда не предполагал, что так полюблю ее. Иногда мне приходилось играть на тромбоне и саксофоне или на большом барабане. Но главным моим духовым инструментом была огромная туба! Я знал все марши и мог повторить их на фортепиано. Очень любил строевые смотры, праздники... Наш оркестр 1 Мая, 7 Ноября, 9 Мая всегда был на главной площади славного города Владимира, около знаменитого Успенского собора. Как же это было красиво! Медь военного оркестра блестит на солнце, чеканя шаг, идут солдаты и офицеры и впереди – военный дирижер в парадной форме!

Вечерами я играл, уже на рояле, в Доме офицеров на танцах, в Доме культуры Владимирского тракторного завода, участвовал в самодеятельности.

Но это все-таки была армия, со своей дисциплиной, тревогами, зимними строевыми смотрами, когда солдаты маршируют в лютый мороз и от них идет пар, а ты стоишь часами на плацу и дуешь, мундштук примерзает к губам и ты не

чувствуешь ног, в глазах мелькают мошки...

Тем не менее я благодарен судьбе, что служил в Советской армии.

Забегу намного вперед и расскажу одну смешную историю.

В 1990 году мы с Люсей были на гастролях в Израиле (далее я расскажу подробнее об этих незабываемых гастролях), и в большом супермаркете (Люся очень любила за границей ходить по торговым центрам) она вдруг увидела магазин оптики. А у меня с рождения правый глаз видит всего на 30 %. Люся часто, ехидно улыбаясь, говорила, что я «косил» от армии. Меня это ужасно злило. Фотографии в форме, в танке или в оркестре ее не волновали. И даже наличие у меня военного билета с номером воинской части ее не убеждало. Позже в своей книге, когда мы уже разошлись, она написала, что я «косил» от армии. Так вот, в этом израильском магазине стоял огромный аппарат для проверки зрения. Я решил проверить зрение и с большим удовольствием показать ей результат. «Иди проверяй» – с усмешкой сказала Люся.

Очень вежливый доктор выдает результат: левый глаз – 100 %, правый – 30 %! Я с лицом победителя несу ей этот бланк: «Вот, смотри!» Она, равнодушно посмотрев на листок, выдавила: «Прибор неисправен, косил, косил».

Годы службы пролетели незаметно, и вот – снова «гражданка». В Советском Союзе, чтобы поступить в «элитные», как сейчас называют ВУЗы, требовалась рекомендация. Такие рекомендации давали и в армии. Меня, как уже известного человека в полку, вызвали в политотдел и предложили рекомендацию.

– Куда бы вы хотели поступать? – спросил меня начальник политотдела.

– В консерваторию, конечно, – уверенно ответил я.

– Туда нет, – ответил начальник. – Есть УДН, МГУ, МГИМО...

– Ну, давайте в МГИМО, – ответил я.

Правда, эта рекомендация ничего не давала, кроме разрешения на сдачу экзаменов. Я, довольный и гордый, получил рекомендацию и уехал домой.

Родители встретили меня спокойно, без накрытых столов, слез радости, потому что последние месяцы я довольно часто приезжал домой. Папа, разбуженный, даже иногда бурчал, когда часа в два ночи приезжал сынок домой. Офицеры посылали меня в Москву за вкусной едой. Ехать было всего три часа. Через двое суток я возвращался с колбасами, конфетами и прочими деликатесами.

Увидев рекомендацию, больше всех обрадовалась мама.

Ей очень хотелось, чтобы ее сын стал дипломатом, а она попала бы в «светское общество» и обязательно поехала бы в Париж, восторженно фантазируя на тему: «Мой сын посол!». Но мне не суждено было стать дипломатом. Сдав все экзамены (причем обязательно в военной форме) и набрав достаточное количество баллов, я, довольный, приехал искать свою красивую фамилию в списках принятых в институт. Оценки у меня были хорошие, даже за испанский получил 5 баллов. Испанский язык я стал учить в армии. Купил учебники и вечерами занимался. Уж очень мне нравился этот красивый язык. И теперь я стоял у доски объявлений о принятых в институт и долго искал свою фамилию. Но почему-то не нашел. Дали мне на выходе из института бумажку: «Не прошел по конкурсу». И все. Позже надо мной подтрунивали: «С твоей фамилией только в мясо-молочный институт могут взять, но еще и подумают!»

Я, со своей неповторимой фамилией, опять вернулся в свою музыкальную школу, ВШОМО (Вечернюю школу общего музыкального образования) № 43 Бауманского р-на г. Москвы. Приняли меня радостно, и началась работа. Но я уже был не 17-летним мальчиком, а мужчиной, прошедшим армию. И этим гордился. Я опять пришел в тот Дворец культуры имени Третьего Интернационала в Люблино, в тот же оркестр, где началось мое становление как эстрадного музыканта.

Однажды мы с родителями были у их друга, замечатель-

ного артиста, куплетиста, юмориста (таких уже больше нет и не будет) Михаила Гринвальда. У него дома, жил он рядом с Театром оперетты, на Пушкинской улице, всегда собиралась веселая еврейская компания. Они пели, играли, сочиняли стихи, куплеты, в тот день как раз был какой то еврейский праздник, по-моему, Пурим. Стол был накрыт еврейскими сладостями, сладким вином... Сам Гринвальд пригласил меня к роялю.

«Поиграй с нами!» – сказал он мне. Я сел, начал играть... и понеслось. То песни, то куплеты, то его дочь пела, а она работала в еврейском театре... Праздник удался.

А наавтра раздался звонок.

– Это Гринвальд. Костик, ты не хочешь поступить в Московскую эстраду, в Москонцерт?

Не дожидаясь моего ответа, продолжил:

– У меня друзья – руководители Московского диксиленда. Им нужен пианист. Завтра приезжай на Летниковскую улицу. Там прослушивание.

– Хорошо, – произнес я, еще не понимая, что произошло. Я? В Московскую эстраду? В Московский диксиленд?

И я поехал! Почему-то у меня не было волнения. Впервые, выходя на сцену перед художественным советом, я не растерялся, сев за рояль, услышал слова: «Фа-мажор, по блюзу. Поехали». И заиграли. После блюза и еще нескольких джазовых экспромтов меня отпустили, а потом руководитель творческой мастерской эстрадных инструменталистов Гри-

горий Наумович Фасман, посоветовавшись с коллегами, поздравил меня с принятием на работу в Москонцерт и пожал мне руку. Теперь я артист! Именно так все началось и продолжается до сих пор. Только в отличие от того дня сегодня я выхожу на сцену с волнением, считая пульс.

С того момента моя жизнь совершенно изменилась: репетиции, гастроли. Мы объездили весь Советский Союз. Однажды в одной компании мне понравилась девушка. Мы стали встречаться. Она училась в инязе на переводческом факультете. В те времена нравственность в нашей стране была на высоком уровне, и, чтобы «полноценно» встречаться, надо было полноценно жениться. Что мы и сделали 31 декабря 1971 года. Родители мои были не очень рады этому браку. Особенно мама. Потому что родители Тани (так звали мою первую жену) работали в тех самых органах, от упоминания которых моя мама могла упасть в обморок.

Свадьба состоялась в хрущевке, у нас дома. Гостей было немного. Конечно же, не обошлось без конфликтов. Мама сцепилась с Таниным папой... и мы с Таней ушли ночевать к соседям (хорошая первая брачная ночь). Сначала мы пожили в Люблино с родителями в хрущевке. Спали на полу. Папа, идя в ванную, перешагивал через нас и долго умывался, принимал душ и, распевая какую-нибудь модную песенку, с удовольствием вытирался. В это время мы, мечтая попасть в туалет (в хрущевках были совмещенные санузелы), согнувшись и держась за животы, ждали последнего куплета папи-

ной песни. Потом, опять перешагнув через нас, папа шел в кухню завтракать, где, звеня посудой, накрывал на стол. Потом вставала мама. И все повторялось. Через два месяца мы переехали в квартиру к Тане, у которой была однокомнатная квартира с большой кладовкой, где мы спали. Еще была глухая бабушка и кот, который, прячась за приоткрытой дверью, когтями рвал нам, чужакам, ноги. Через месяц мы сняли квартиру и переехали в Кузьминки. Я опять стал много ездить по гастролям, а Таня училась. Отношения стали затухать. Таня начала чаще уезжать к своим родителям, я – к своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.